

Прометей. Иоганн Вольфганг Гёте

Драматический отрывок

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Прометей, Меркурий.

Прометей

Я не хочу — так передай богам!

Ты понял: не хочу!

Столкнулись наши воли,

Сошлись

В единоборстве!

Меркурий

И это Зевсу передать — отцу?

И матери твоей?

Прометей

Что мне отец! Что мать!

Откуда мы, кто знает?

Едва мои окрепли ноги,

Я встал на них.

Простер я руки,

Когда узнал, что можно протянуть их.

Отец и мать, как их зовешь ты,

Глядели на меня — и это всё.

Меркурий

Они тебе

Опорой были в детстве.

Прометей

Я в детстве им повиновался честно.

Они же гнули бедного ребенка

Туда, сюда но ветру прихоти своей.

Меркурий

Храня тебя...

Прометей

Но от чего? От бед,

Которых сами опасались?

А сохранили ль сердце мне

От змей, его язвивших тайно?

И закалили ль грудь мою,

Чтобы дала отпор титанам?

Разве в мужа меня превратило

Не Время, могучий кузнец,—

И мой и ваш повелитель?

Меркурий

Несчастный, это про богов

Бессмертных?!

Прометей

Хоть я не бог,

Но все ж себя ничуть не ставлю ниже,

Бессмертны? Всемогущи?

Но в чем же?

Способны ль вы вместить

Всю ширь земли и неба

В одной моей руке?

Иль разлучить меня

С самим собой?

Иль можете меня расширить,

Вложить в мои пределы мир?

Меркурий

Судьба сильна!

Прометей

Судьбы признал ты власть?

Я — тоже!

Иди! Я не служу подвластным!

Меркурий уходит.

(Обращаясь к статуям, расставленным в долине.)

Ушел невозвратимый миг!

Глупцом я был оторван

От вас,

Мои созданья!

Все то, что грудь мою волнует,

(приближается к изваянию девушки)

В ее груди должно созвучно биться!

Уж говорят глаза!

Скажите слово мне, уста!

О, если б мне вам объяснить.

Что вы такое!

Эпиметей входит.

Эпиметей

Меркурий жаловался горько.

Прометей

Когда б напрасных жалоб ты не слушал,

Он и без них вернулся бы домой.

Эпиметей

Нет, брат мой! Будь же справедливым!

Желают боги

С тобою сговориться.

Они хотят отдать тебе Олимп,

Чтоб там ты жил,

Землею управляя.

Прометей

Быть их слугой?

Их небо охранять?

Нет, я сговорчивее, право!

Хотят со мною поделиться боги,

Но чем же? Мне делиться с ними нечем:

Чем я владею, то украсть они не могут,

А то, что их, пусть сами охраняют.

Вот здесь — мое, а здесь — твое,

И тем раздел закончен.

Эпиметей

Да много ль твоего?

Прометей

Тот круг земной, где действовать могу,

Не больше и не меньше!

Кто право дал далеким звездам

Следить за мной,

Взирая с высоты?

Эпиметей

Ты одиноко!

Каким блаженством было б,

Когда бы ты, и все твои, и боги,

И свод небесный, и весь мир

Себя в единстве полном ощутили!

Прометей

Я это знаю!

Милый брат, живи,

Как можешь, но меня оставь!

Эпиметей уходит.

Вот весь мой мир, вот — всё:

Я воплотил

Все сокровенные желанья

В телесных образах.

Мой дух, тысячекратно разделенный,

Един во всех и в каждом из созданий.

Минерва входит.

Решилась ты, богиня?

Решилась вновь к врагу отца явиться?

Минерва

Отца я почитаю,

Тебя ж люблю, о Прометей!

Прометей

Ты мне близка по духу,

Как сам себе я близок,

Мне издавна

Твои слова небесным светом были!

Как будто бы душа с собою говорила

И сразу раскрывалась.

Гармония в ней возникала

Из потаенных недр,

Когда твои слова звучали;

И не был я собой:

Когда я говорил —

То божество вещало,

А божества слова —

Моими были.

Так мы с тобой одно —

И вечна

Моя любовь к тебе.

Минерва

И я с тобою неразлучна.

Прометей

Словно блеск мерцающий

Солнца уходящего

Заливает выси

Мрачного Кавказа

И вселяет в душу мне

Сладостный покой,

Что со мною неразлучен и в часы разлуки, —

Так своим дыханием небесным

Укрепляешь силы ты мои.

Но почему же

Обитатели Олимпа

Так дерзко посягают

На мощь мою?

Я знаю сам, что с нею должен делать,

И не ступлю ни шагу

Для богов!

Для них ли я живу?

Минерва

Так мыслит мощь.

Прометей

Богиня, мыслю также

И чую силу.

Ты часто видела сама,

Как в рабстве добровольном

Я бремя нес —

Тот груз, который боги

Взвалили мне на плечи.

И разве я не исполнял работу

По воле их,

Тяжелую поденную работу,

Поверив только,

Что прошлое с грядущим в настоящем

Для них равно открыты,

Что их правление — закон,

Несокрушимая,

Стоящая веками мудрость?

Минерва

Служил ты им, чтоб заслужить свободу.

Прометей

И все ж я не гожусь

Сменить орла Зевеса.

Я не желаю молнии владыки

В холопских лапах

С гордостью держать.

Что боги мне? Что я?

Минерва

Напрасно ненавидишь ты.

Богам в удел даны бессмертье,

Любовь, могущество и мудрость.

Прометей

Дано все это

Не им одним!

Не вечен разве я?

Ведь все мы вечны!

Начала своего не помню

И не стремлюсь прийти к концу.

Конца не будет мне,—

Я вечен, ибо существую!

А мудрость...

(Ведет Минерву вокруг изваяний.)

На этот лоб взгляни!

Своим перстом

Не я ль его отметил?

И этой груди мощь

Навстречу рвется

Опасностям грядущим.

(Останавливается перед женской статуей.)

И ты, Пандора,

Сосуд священный всех даров,

Несущих радость

Под ширью небосвода

И на земле бесконечной...

Все, что родит в моей душе живой восторг,

Что зеленью тенистой

Дарит блаженную усладу,

Что светом солнца, и весенним счастьем,

И плеском ласковой волны

К моей груди прильнуть стремится в страстной неге,

Все, что лазурью ясною небес

Вливает в душу мне покой,—

Все это ты, моя Пандора!

Минерва

Юпитер обещает

Жизнь подарить твоим созданьям, если

Его ты воле

Покоришься.

Прометей

Над этим размышлять мне довелось,

Но стать рабом, господство Громовержца

Признать я должен?

Нет!

Пусть будут скованы они,

В безжизненности этой

Они свободны все ж:

Свободными их вижу!

Минерва

И жить они должны!

Судьба вольна — не боги —

Жизнь даровать и отнимать ее.

Идем туда, где бьет источник жизни;

Его Юпитеру не скрыть.

Пускай живут благодаря тебе!

Прометей

Благодаря тебе, богиня!

О, жить, свободным быть —

И жить!.. В их радости — твоя награда!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

НА ОЛИМПЕ

Юпитер, Меркурий.

Меркурий

Отец Юпитер! Страшная измена!

Минерва, дочь твоя,

С мятежным заодно,

Открыв ему источник жизни,

Одушевила все

Его созданья,

Его мирок из глины.

Они в движении, как мы,

И славословят все его,

Как мы тебя.

О, где же гром твой, Зевс?

Юпитер

Живут! И будут жить!

И жить должны!

Над всем, что только есть

Под необъятным небом

И на земле огромной,—

Везде владыка я.

Пускай червяк ничтожен, но число

Моих рабов он умножает.

И благо им, когда во мне отца признают,

Но горе им, коль захотят царю

Не покориться!

Меркурий

Всесильный, благостный отец!

Злодеям ты прощаешь преступленье.

Хвала тебе и честь

От всей земли и неба!

Пошли меня, чтоб возвестил я

Из праха вставшему народу

Твою, отец, и доброту и мощь!

Юпитер

Еще не время! В юном опьяненье

Те люди мнят себя богами.

Тебя не станут слушаться, ведь ты

Еще не нужен. Так позволь им жить!

Меркурий

Ты мудр и благ!

ДОЛИНА У ПОДНОЖИЯ ОЛИМПА

Прометей

Взгляни, о Зевс,

На мир мой: он живет!

По своему я образу слепил их,

Людей, себе подобных,—

Чтоб им страдать и плакать, ликовать и наслаждаться

И презирать тебя,

Как я!

По всей долине движутся люди. Одни влезли на деревья и срывают плоды, другие купаются в реке или бегают наперегонки по лугу; девушки рвут цветы и плетут венки. Человек, таща за собой срубленные молодые деревья, подходит к Прометею.

Человек

Смотри: деревья,

Они тебе нужны.

Прометей

Как ты сумел

Подсечь их корни?

Человек

Вот этим острым камнем я подсек

Все деревца под самый корень.

Прометей

Сначала сучья срежь,

Потом вот этот ствол

Вбей ровно в землю,

А этот ствол поставь напротив,

И сверху их свяжи ты,

Еще стволы — вот тут и там —

И сверху положи крест-накрест,

Потом клеть сучьями закрой

От верха до земли.

Перевяжи их и сплети,

Вокруг покрывши дерном,

А наверху — ветвей погуще,

Чтоб солнце, ветер, дождь

Туда не проникали.

Вот, милый сын, приют от непогоды

И жилище!

Человек

Спасибо, дорогой отец!

Скажи мне: могут жить все братья

В моем жилище?

Прометей

Нет!

Ты дом себе построил, это — твой,

Но можешь разделить его,

С кем хочешь.

Кто хочет кров иметь, пусть сам построит.

(Уходит.)

Два человека.

Первый

Ты ни одной козы

Не смеешь взять:

Они — мои.

Второй

Вот как?

Первый

Вчера за ними день и ночь

Карабкался по горным кручам,

Изнемогал,

Чтоб их поймать живыми,

И сторожил всю ночь,

И запер их в загон

Из сучьев и камней.

Второй

Дай хоть одну!

Вчера и мне пришлось поймать козу;

Ее, в огне зажарив,

Мы съели с братьями.

Сейчас одна нужна мне,

А завтра вновь поймаем.

Первый

Не трогай коз моих!

Второй

Одну!..

Первый хочет отогнать его, но второй наносит ему удар, сбивает с ног и уводит козу.

Первый

Насилие! Ой, ой!

Прометей

(входит)

Что тут?

Человек

Козу увел грабитель!

Струится кровь из головы моей —

Ее разбил он

Этим острым камнем.

Прометей

Возьми вон там лишай древесный

И положи на рану.

Человек

Отец мой, стало легче,

Кровь не сочится.

Прометей

Иди, умой лицо.

Человек

А как с козой?

Прометей

Оставь его!

Коль руку он на всех поднимет,

Все на него поднимут руки.

Человек уходит.

Еще вы не испорчены, о дети:

Близки вам труд и лень,

Жестокость, кротость,

Щедрость, скупость...

Вы с братьями своими схожи,

Сродни вы со зверями и богами.

Входит Пандора.

Что, дочь, с тобой?

Как ты тревожна!

Пандора

Отец мой,

Что я увидела!

И что почувствовала я!

Прометей

Что?

Пандора

О, Мира бедная!

Прометей

Что с нею?

Пандора

Неведомые чувства!

Ее в лесу я увидела — там, где мы

С ней часто для венков цветы срывали.

Пошла за ней,

И лишь с холма спустилась, вижу,

Как на траву

В изнеможенье клонится она.

По счастью, тут же близко был Арбар,

Ее он крепко сжал руками,

Чтобы не дать упасть ей,

Но — ах! — он с ней поник.

Откинулась ее головка,

Он целовал ее без счета,

Прильнув к ее устам устами,

Чтоб оживить своим дыханьем,

Мне стало страшно,

Я с криком подбежала

Мой крик привел ее в сознание,

Арбар ее оставил.

Вскочив, она с потухшим взором

Мне кинулась на грудь,

Стучало сердце,

Рвалось на части,

Горели щеки,

И уста пылали,

Ручьем катились слезы.

Опять ее колени подкосились,

И я, отец, ее держала.

Ее горячие лобзанья

И страстный пыл вливали в жилы

Столь новые, неведомые чувства,

Что я в слезах, тревоге и смятенье

Покинула ее, и лес, и луг.

К тебе пришла, отец! Скажи,

Что потрясло ее, что с ней,

Со мной?

Прометей

То — смерть!

Пандора

Что это?

Прометей

Дочь моя,

Ты много радостен узнала.

Пандора

О, тысячи! Ты дал мне их.

Прометей

Да, грудь твоя, Пандора, трепетала

При свете солнца,

В сиянье лунном,

И в поцелуях подружки милой

Блаженством наполнилась твоя душа.

Пандора

Невыразимо!

Прометей

Что стан твой в пляске поднимало

Легко на воздух?

Пандора

Радость!

Все существо мое тогда жило

Движеньями и пенем,

В мелодии тонуло тело.

Прометей

И под конец все разрешалось сном:

Боль, радость.

Тебе знаком был солнца жар,

Томленье жажды,

Быстрых ног усталость.

Ты плакала, овечку потеряв;

Колючкой ногу ранив,

Ты охала, стонала до тех пор, пока

Занозу я не вынул.

Пандора

Да, в жизни есть и радости, отец,

И боль!

Прометей

Своим ты сердцем чувствуешь,

Что много радостей еще

И много горя

К тебе придет.

Пандора

О да! Стремится сердце вдаль,

Как будто никуда — и всюду.

Прометей

Приходит миг, несущий исполненье

Всему: надеждам, чаяньям и снам.

Чего страшились мы, Пандора,

Вот это — смерть.

Пандора

Смерть?

Прометей

Когда из самой глубины

Ты ощущаешь потрясенье

Во всем, что скорбь иль радость приносило,

И сердце, в буре слез

Терзаясь, жаждет исцеленья,

И жар его растет,
И все в тебе звучит, трепещет, бьется,
И вдруг сознание пропадает,
И видимое меркнет,
И ты никнешь,
И все кругом уходит в ночь,
И силою своих глубоких чувств
Объемлешь целый мир,—
Тогда и умирает человек.

Пандора
(обнимает его)
Дай умереть, отец!

Прометей
Еще не время.

Пандора
Что ж после смерти?

Прометей
Лишь все — желанье, радость, боль —
Сольется в вихре исступленья,—
Все успокоит сон блаженный,
И вновь проснешься ты помолодевшей,
Чтобы опять надеяться, желать, страшиться.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

МАСТЕРСКАЯ ПРОМЕТЕЯ

Прометей
Закрой, Зевс, небеса свои
Завесой туч!
И, как мальчишка,
Сбивающий репейника головки,
Круши дубы, вершины гор!
Мою ты землю
Сгубить не можешь,
И дом, который я себе построил,
И мой очаг,
И мой огонь,
В тебе родящий зависть.
О боги, ничтожней вас

Не знаю никого под солнцем!

В бессилье жалком

Питаете величие свое

Вы скудным воскуреньем фимиама

Да вынужденным жертвоприношеньем.

Вы голодали б,

Когда бы не было детей и нищих —

Доверчивых глупцов.

Я был ребенком,

Ни в чем не разбирался.

И детские мольбы стремил

Я к солнцу, словно уши

Есть у него, чтоб слышать стоны,

И сердце, как мое,

Чтоб сжалиться над угнетенным.

Кто помог

Мне одолеть в борьбе титанов

И кто меня от смерти спас,

От рабства?

Не ты ль само,

Святым огнем пылающее сердце?

Не ты ли, победив,

Прославило по-детски

Сонливых жителей Олимпа?

Мне чтить тебя? За что?

Когда ты скорбь утешил

Обремененного?

Когда ты слезы вытер

Скорбью томимого?

И разве в мужа меня превратили

Не Время — могучий кузнец,

И не Судьба непреложная —

Владыки мои и твои?

Иль думал ты,

Что буду жизнь я ненавидеть,

В пустыню удалюсь из-за того,

Что воплотил

Не все свои мечты!

Как видишь, я творю людей

По своему подобию —

Мне родственное племя,

Чтоб им страдать, и плакать,

И ликовать, и наслаждаться,

И презирать тебя,

Как я!

Комментарии

Два акта незаконченной драмы «Прометей» были написаны Гете летом 1773 года. Рукопись надолго пропала и обнаружилась вновь только в 1820 году. Первый фрагмент напечатан самим Гете в томе 33 последнего прижизненного Собрания сочинений (1830).

Несмотря на незавершенность, «Прометей», наряду с «Пра-Фаустом» и гимнами «Песнь о Магомете», «Ганимед», принадлежит к наиболее значительным выражениям «титанизма» Гете периода «Бури и натиска».

Миф о Прометее, обработанный греческим трагиком Эсхилом в «Прикованном Прометее», стал особенно популярен в XVIII веке, после того как английский философ Шефтсбери (1071–1713) провозгласил образ легендарного титана символом творческого духа человека. Прометей для Гете — синоним гения (см. его статьи «Ко дню Шекспира», «О немецком зодчестве» — т. 10 наст. изд.).

«Прометей» — яркое выражение философских взглядов молодого Гете. Здесь явно высказано его отрицание религии. Каждое живое существо — неотделимая часть природы, объединяющей все, что существует. Человек прежде всего творец, именно в творческом начале проявляется его высшая сущность.

Молодой Гете дважды обращался к мифу о Прометее. Наряду с начатой драмой он создал гимн «Прометей» (см. т. 1 наст. изд., где он дан в переводе В. Левина), близкий по духу, но композиционно не связанный с публикуемым фрагментом. Тем не менее, печатая почти шестьдесят лет спустя отрывок драмы, он подключил к нему в качестве начала третьего акта свой гимн. В настоящем издании драматический фрагмент «Прометей» дан в том виде, в каком его обнаружил Гете в поздние годы.

Работая над «Прометеем», Гете пользовался (как и позднее, при создании «Ифигении», ч. II «Фауста» и т. д.) мифологическим словарем Гедериха, извлекая из него варианты мифов, наиболее соответствовавшие его поэтическим замыслам. Так у него Прометей — сын Зевса и Юноны, в отличие от другого варианта, согласно которому Прометей происходит от Япета и океаниды Азии; Пандора создана Прометеем, а не Гефестом (в отместку Прометею); изваянные Прометеем люди оживляются Минервой и т. д. Как обычно, Гете произвольно пользуется именами античных божеств — то греческими, то римскими.

В настоящее время мы располагаем авторской рукописью «Прометеем», хранящейся в Страсбургском университете, копией, принадлежавшей скончавшемуся в Москве поэту Ленцу, а также двумя копиями гоффриейны фон Гохаузен.

Сам Гете воспользовался при публикации «Прометеем» своей страсбургской рукописью, которая к нему возвратилась в 1819 году. Год спустя, в 1820 году, к нему также поступил найденный в Москве список Ленца, о чем Гете оповестил друга Цельтера письмом в мае 1820 года: «Не давайте рукописи слишком большого распространения, чтобы она не попала в печать. Он («Прометей». — А. А.) мог бы явиться вождь евангелием для нашей революционной молодежи... Замечательно, однако, что этот непокорный огонь, уже полвека тлевший под поэтическим пеплом, вдруг, охватив подлинно горючие материалы, грозит вырваться губительным пламенем...».

Сначала сучья срежь... — Комментаторы давно обратили внимание на то, что описание строительства первой хижины в «Прометее» совпадает с рассуждением о первом жилище человека в ранней статье Гете «О немецком зодчестве» (1771). Гете выбирает из всех действий первобытного человека в качестве основополагающего строительство жилища, следуя в этом Жан-Жаку Руссо, который назвал постройку первой хижины «первой революцией» в истории человечества. В «указаниях» Прометеем есть деталь, становящаяся понятной при обращении к названной статье. Гете полемизировал там с неким Ложье, утверждавшим, что сначала жилища строили, вбив в землю четыре столба и положив поверх них четыре шеста, а затем покрывали все это мхом и ветвями. Четыре столба нужны были для

доказательства того, что классицизм и его архитектурные колонны — создание самой природы. Гете возражал, говоря, что «два перекрещивающихся наверху шеста впереди и два сзади с шестом, положенным поверх них, для кровли, было и осталось несравненно более первобытным изобретением»... Иначе говоря, островерхая готика имеет более древние и естественные корни, чем классицизм.

Возьми вон там лишай древесный... — Согласно мифам, Прометей был также основателем врачевания.

Еще вы не испорчены, о дети... — Типичный руссоистский мотив. Однако, но Гете, первобытный человек далек от идеальности. Как явствует из следующей характеристики, он противоречив, в нем заложены в равной мере возможности добра и зла.

Неведомые чувства! // ...Скажи, // Что потрясло ее... — Ответ Прометея гласит: «Смерть». Однако предшествующий рассказ Пандоры о странном состоянии Миры посвящен совсем иному. В нем явно изображен любовный экстаз. Единственное объяснение этого противоречия заключается в том, что для молодого Гете любовь, как и смерть, есть слияние с природой, космосом. Особенно сильно звучит этот мотив в «Страданиях юного Вертера» (т. 6), а также в «Ганимеде» (т. 1). В более поздние годы сходные настроения звучат в стихотворении «Блаженное томление», входящем в «Западно-восточный диван» (т. 1). Следующие в конце второго акта слова Прометея «Лишь все — желанье, счастье, боль — // Сольется в вихре исступленья, — // Все успокоит сон блаженный...» — также относятся не к смерти, а к акту любви.

А. Аникст